

Дик Фрэнсис

ПОСЛЕДНИЙ
БАРЬЕР

Оглавление

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

ПОСЛЕДНИЙ БАРЬЕР

Dick Francis

NERVE

Copyright © 1964 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd.

and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского

Михаила Загота

Фрэнсис Д.

Последний барьер : роман / Дик Фрэнсис ; пер. с англ. М. Загота — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022.

ISBN 978-5-389-20936-7

16+

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательного романа 1960-х годов «Последний барьер», который стал бестселлером во многих странах мира.

© М. А. Загот, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

ГЛАВА 1

Граф Октобер появился на видавшем виды бледно-голубом «холдене», а следом в жизнь мою вползли непрошенные гости — опасность и смерть.

Когда машина въехала в ворота, я шел к дому через небольшой загон, и ее приближение не вызвало у меня никакого интереса. Очередной агент по продаже, кто же еще? Голубая машина мягко остановилась между мной и дверью моего дома.

Из «холдена» вылез шатен лет сорока пяти, среднего роста, широкоплечий, с крупной, правильной формы головой и гладко причесанными волосами. На нем были серые брюки, рубашка из тонкой шерсти, строгий темный галстук, в руках — неизбежный портфель. Я вздохнул, перелез через изгородь и пошел к нему — сказать, что всучить свой товар ему здесь не удастся.

— Где я могу видеть мистера Дэниела Рока? — спросил он. Даже мое нетренированное ухо уловило, что это — англичанин, и сама по себе пришла мысль о дорогих частных школах. Держался он солидно и с достоинством, а не как торговцы и коммерсанты, которые с ходу начинают нахваливать свой товар. Я взглянул на него повнимательнее и решил не говорить, что меня нет дома. Чем черт не шутит! Возможно, это хороший клиент.

— Дэниел Рок, — без особой радости объявил я, — это я.

Веки его дернулись от удивления.

— О-о, — только и произнес он.

К такой реакции я давно привык. На хозяина процветающего конного завода я никак не тяну — сам знаю. Во-первых, я слишком молодо выгляжу, хотя и не чувствую себя молодым. Моя сестричка Белинда говорит, что не часто встретишь бизнесмена, которого

можно принять за итальянского крестьянина. Умница моя сестричка. Просто волосы у меня — черные, глаза — карие, а кожа — желтоватая и быстро загорает. К тому же в тот день на мне были самые мои старые, самые затасканные джинсы, нечищенные ездовые сапоги — и больше ничего.

Какое-то время мой посетитель смотрел по сторонам. Аккуратные загоны с выкрашенными белой краской изгородями, впереди — Г-образный конюшенный двор, справа — обшитые кедром стойла для жеребят. Первое впечатление, что дело здесь поставлено хорошо и солидно, не было обманчивым. Я работал не жалея сил и мог с чистой совестью просить за своих лошадей хорошие деньги.

Гость повернулся налево и посмотрел на сине-зеленую лагуну, дальний конец которой обрамляли прекрасные скалистые горы с покрытыми снегом вершинами. Вокруг каждой вершины — венчик перистых облаков. Дивная, величественная картина, когда видишь ее впервые.

А для меня это диво давно стало каменным мешком.

— Поразительная красота, — восхитился он. Потом круто повернулся ко мне, чуть помедлил и начал: — Я... видите ли... в Перлуме я услышал, что у вас... у вас работает конюх, англичанин... и что он якобы хочет вернуться домой. — Он сделал паузу, потом продолжил: — Не удивляйтесь, но при некоторых обстоятельствах, и если он, конечно, согласится, я бы с удовольствием оплатил ему проезд и предоставил работу на другом конце... — Он опять умолк.

Интересно, неужели конюхи в Англии стали таким дефицитом, что их приходится вербовать в Австралии?

— Может быть, пройдем в дом, — предложил я, — и вы мне все объясните?

Мы вошли в гостиную, и за спиной я услышал его восторженное восклицание. Эта комната поражала всех,

кто в нее заходил. Почти всю дальнюю стену занимало окно, и оно словно окаймляло самую эффектную часть лагуны и гор, приближало их; мне же казалось, что они сомкнулись еще теснее обычного. Я сел к ним спиной в старую качалку из гнутой древесины и жестом предложил гостю занять кресло напротив.

— Итак, мистер... — Я помедлил.

— Октябрь, — с готовностью подсказал он. — Только не мистер. Граф.

Я с любопытством взглянул на него. В моем представлении граф должен выглядеть как-то иначе. Скорее он похож на хваткого президента компании, выехавшего в отпуск. Впрочем, никто ведь не мешает графу быть президентом компании! Вполне возможно, что иногда им приходится становиться президентами против своей воли.

Он едва заметно улыбнулся:

— Наверное, следует начать с того, что в Австралию меня привели дела — у меня интересы в Сиднее, приезд же в ваши края — это последний этап частной поездки по местам, где готовят и растят скаковых лошадей. Я один из руководителей национального английского жокей-клуба по стипль-чезу и скачкам с препятствиями, и, естественно, мне крайне интересно знать, как готовят лошадей в Австралии... Так вот, когда я обедал в Перлуме (это ближайший город, километрах в двадцати пяти отсюда), я разговорился с каким-то человеком. Он по акценту узнал во мне англичанина и сказал, что в этих краях обитает лишь один мой соотечественник — он работает у вас конюхом и настолько глуп, что хочет вернуться обратно.

— Верно, — согласился я. — Это Симмонс.

— Артур Симмонс, — кивнул он. — Что он за человек?

— Очень хороший конюх, — сказал я. — Но желание вернуться в Англию возникает у него, только когда он пьян. А пьяным он бывает только в Перлуме. Здесь —

никогда.

— Понятно, — сказал он. — Так, может быть, он поедет, если предоставить ему такую возможность?

— Не знаю. Смотря зачем он вам нужен.

— За последние пару лет у нас участились случаи применения допинга на скачках, — решительно заговорил он, — и мы приняли серьезные меры. Люди привлекались к судебной ответственности, попадали в тюрьму, в конюшнях была введена строгая дисциплина, у лошадей регулярно брали на анализ слюну и мочу. Для борьбы с допингом на выигрыш мы стали выборочно проверять первую четверку лошадей. Мы проверяли всех проигравших фаворитов, чтобы выявить допинг на проигрыш, особенно если проигрыш этот выглядел подозрительным. Почти все результаты анализов после введения новых правил оказались отрицательными.

— Прекрасно, — сказал я без особого энтузиазма.

— Ничуть. Кто-то изобрел средство, выявить которое наши врачи-ветеринары не могут.

— Но разве такое возможно? — вежливо поинтересовался я. Время проходило впустую, а дел было по горло.

Он понял, что его проблемы меня заботят мало.

— Таких нераскрытых случаев было десять, лошади средних возможностей пришли к финишу первыми. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять — этих лошадей чем-то стимулировали, но результаты анализов не показали абсолютно ничего. — Он помолчал. — Допинг — почти всегда дело рук персонала. Другими словами, конюхи имеют к этому отношение всегда, пусть незначительное, — например, могут сказать кому-то, в каком деннике стоит нужная лошадь.

Я понимающе кивнул. В Австралии тоже жулья хватает.

— Два других стюарда национального жокей-клуба и я

уже не раз думали о том, как бы проследить за введением допинга изнутри, через персонал, то есть...

— Чтобы какой-то конюх шпионил для вас? — подсказал я.

Он чуть поморщился.

— Вы, австралийцы, не любите ходить вокруг да около, — пробормотал он. — Да, в общем-то, мысль была именно такая. Впрочем, дальше разговоров дело не пошло, потому что здесь много трудностей, и, откровенно говоря, у нас нет никакой гарантии. Вполне возможно, что конюх, к которому мы обратились бы, уже давно работает для... другой стороны.

Я усмехнулся:

— А с Симмонсом такая гарантия есть?

— Да. К тому же он англичанин и в мир скачек войдет совершенно незамеченным. Мне пришло это в голову сегодня во время обеда. Поэтому я спросил дорогу и поехал прямо к вам — посмотреть, что он за человек.

— Пожалуйста, вы можете поговорить с ним, — сказал я, поднимаясь. — Но думаю, это бесполезное дело.

— Мы хорошо ему заплатим, — не понял меня он.

— Я не о том. Предложение ваше он, может, и примет. Просто эта работа ему не по плечу — он с ней не справится.

Мы вышли в залитый солнцем двор.

— Подождите, сейчас я его позову, — сказал я, завернул за угол дома и, приложив пальцы к губам, резко свистнул. В окне небольшого домика на другом конце двора показалась голова, и я крикнул:

— Позови Артура!

Голова кивнула, исчезла, и вскоре Артур Симмонс засеменял ко мне — не первой молодости, низкорослый, кривоногий, весь облик его говорил, что человек этот — сама простота. Я отвел его к лорду Октоберу и оставил их наедине. Вскоре я вернулся. Издалека я видел, как Октобер вытащил из бумажника какую-то банкноту и

протянул ее Симмонсу. Артур, конечно, не согласится, хоть он и англичанин. Он уже много лет живет здесь, прижился, стал таким же австралийцем, как и все мы. Нет, в Англию его никаким пирогом не заманишь, а по пьянке человек может сказать любую глупость.

— Вы были правы, — сказал мне Октобер. — Человек он, видно, прекрасный, но для такой работы не годится. Я даже не стал ему ничего предлагать.

— А не слишком ли многого вы ждете от простого конюха, пусть даже самого толкового? Разве он сумеет сделать то, перед чем спасовали такие люди, как вы?

— Согласен. Это и есть одна из трудностей, о которых я говорил. Но мы сейчас хватаемся за любую соломинку. И готовы испробовать любое средство. Любое. Положение очень серьезное, уверяю вас.

Мы подошли к его машине, и он открыл дверцу.

— Спасибо вам, мистер Рок. Надеюсь, я отнял у вас не очень много времени? — Он улыбнулся, однако я видел, что он немного смущен и расстроен.

Я покачал головой и улыбнулся в ответ, а он включил двигатель, развернулся и поехал к воротам. Я забыл о нем раньше, чем он успел скрыться из виду.

Забыл. Однако нам суждено было встретиться снова.

Он вернулся на следующий день, перед заходом солнца. Когда я увидел его, он терпеливо сидел в своей голубой машине и курил — конечно, уже выяснил, что в доме никого нет.

Я шел из конюшни — вечером там всегда полно работы — и отметил про себя, что он снова застал меня в самом неприглядном виде.

Увидев меня, он вылез из машины и затоптал сигарету.

— Добрый вечер, мистер Рок. — Он протянул руку, и я пожал ее.

На сей раз он не торопился начать разговор. Ни капли смущения в его облике не было. Наоборот, сейчас любой бы понял, что человек этот привык верховодить,

и я вдруг увидел в нем ту силу, которая заставляет неговорчивых директоров голосовать на заседании правления за внесенное им предложение.

И я сразу понял, что он приехал по мою душу.

Я с легким сомнением взглянул на него, потом жестом пригласил в дом, и мы вошли в гостиную.

— Что-нибудь выпьете? — предложил я. — Виски?

— Спасибо. — Он взял стакан.

— Если не возражаете, — сказал я, — я пойду переоденусь. — «И подумаю», — добавил я про себя.

Я принял душ, надел хорошие брюки, носки, домашние туфли, белую поплиновую рубашку и темно-синий шелковый галстук. Я аккуратно причесал перед зеркалом влажные волосы и вычистил грязь из-под ногтей. Деловой разговор желательно вести на равных, тем более с графом, настроенным столь решительно.

Я вошел в гостиную, и он поднялся, одним едва заметным взглядом оценив происшедшую со мной перемену.

— Наверное, — сказал он, — вы догадались, зачем я приехал.

— Возможно.

— Чтобы предложить вам работу, которую вчера предлагал Симмонсу, — объявил он без обиняков, но и без лишней спешки.

— Я так и подумал, — ответил я. Потом чуть отхлебнул из стакана. — Увы, принять ваше предложение не могу.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Я знал, что Дэниел Рок, стоящий перед ним, здорово отличается от вчерашнего. Более солидный. Наверное, более похожий на человека, которого он ожидал увидеть здесь вчера. Известное дело, по одежке встречают.

— Я многое узнал о вас, — медленно произнес он. — Вчера, возвращаясь от вас, я вдруг подумал: как жаль, что вы не Артур Симмонс. Вы бы прекрасно подошли для этой работы. Вчера вы выглядели... извините меня...

как раз так, как нам надо. — В голосе слышались виноватые нотки.

— А сейчас нет?

— Вы сами знаете, что нет. Вы, наверное, специально и переоделись. Не сомневаюсь, что, если бы вы предстали передо мной в таком виде вчера, мне бы и в голову не пришло предложить вам что-нибудь подобное. Но когда вы шли через загон полуголый, в драных джинсах, похожий на цыгана, я действительно принял вас за наемного работника... Ради бога, извините.

Я чуть усмехнулся:

— Такое случается часто, я не обращаю на это внимания.

— Внешне вас не отличишь от настоящего конюха, да и акцента почти никакого. Вы бы нам подошли по всем статьям. О такой удачной кандидатуре я и не мечтал.

— В смысле физических данных, — сухо заметил я.

— Во всех смыслах. Я ведь сказал, что многое узнал о вас. Вчера по дороге в Перлуму я решил... навести о вас справки, если можно так выразиться, узнать, что вы в действительности за человек... выяснить, не может ли вас хоть как-то заинтересовать предлагаемая нами работа. — Он немного выпил и выжидательно смолк.

— Мне это совершенно ни к чему, — сказал я. — Работы у меня и здесь хватает. — Это еще слабо сказано — работы хватало с головой.

— Двадцать тысяч фунтов вас бы устроили? — спросил он словно между делом.

Кратким ответом на этот вопрос было бы «да». Вместо этого я, секунду помедлив, спросил:

— Австралийских или английских?

Уголки его рта чуть опустились, глаза сузились. Мой вопрос показался ему забавным.

— Английских, разумеется, — не без иронии ответил он.

Я молчал. Просто смотрел на него. Словно прочитав

мои мысли, он опустился в кресло, удобно скрестил ноги и сказал:

— Хотите, расскажу, как вы распорядитесь этой суммой? Вы заплатите за учебу в медицинском колледже, о котором мечтает ваша сестра Белинда. Ваша младшая сестричка Хелен хочет пойти учиться в школу живописи — вы дадите ей эту возможность. Вы отложите деньги для того, чтобы ваш тринадцатилетний брат смог стать адвокатом, — если он, когда повзрослеет, не раздумает. Вы сможете взять еще нескольких работников, иначе заботы о том, как прокормить, одеть и выучить брата и сестер, быстро доведут вас до могилы.

Наверное, можно было не удивляться, что он все разнюхал основательно, но зачем совать нос в мои личные дела? Я разозлился.

— Я тоже должен дать образование двум дочерям и сыну, — продолжал он, — поэтому знаю, во что это обходится. Моя старшая дочь уже в университете, а близнецы — мальчик и девочка — совсем недавно окончили школу.

Я продолжал молчать, и он заговорил снова:

— Вы родились в Англии, но еще ребенком попали в Австралию. Ваш отец Хауэрд Рок был адвокатом, хорошим адвокатом. Когда вам было восемнадцать лет, ваши родители погибли в катастрофе на море. На ваши плечи легли заботы о себе, сестрах и брате, и вы стали зарабатывать на жизнь разведением и продажей лошадей. Я знаю, что вы собирались пойти по стопам отца, но деньги, отложенные родителями на вашу учебу, вы пустили на создание собственного дела. Можно сказать, вы преуспеваете. Лошади, которых вы продаете, пользуются репутацией дисциплинированных и хорошо обученных животных. К своей работе вы относитесь серьезно и в своей среде пользуетесь уважением.

Он с улыбкой взглянул на меня. Я стоял не шевелясь. Кажется, это было еще не все.

— Директор вашей бывшей школы в Джилонге, — продолжал он, — говорит, что у вас хорошая голова и вы способны на большее. Директор вашего банка говорит, что вы почти ничего не тратите на себя. Ваш доктор говорит, что вы не были в отпуске вот уже девять лет, если не считать месяца, который пролежали в больнице со сломанной ногой. Ваш пастор говорит, что вы никогда не ходите в церковь и его это очень печалит. — Он неторопливо отпил из стакана.

Похоже, перед графами, если им что-нибудь нужно, открываются все двери.

— И наконец, — добавил он с легкой ухмылкой, — бармен из «Золотой долины» в Перлуме говорит, что не побоялся бы оставить вас со своей сестрой, хоть вы и красавчик.

— И какие вы сделали выводы? — спросил я, уже вполне успокоившись и держа себя в руках.

— Что вы зануда, работяга и педант, — с удовольствием выложил он.

Я с облегчением рассмеялся и сел в кресло.

— Вы совершенно правы, — согласился я.

— С другой стороны, все говорят, что если вы беретесь за что-то, то обязательно доводите дело до конца, что вам нипочем тяжелая физическая работа. А о лошадях вы знаете столько, что вполне можете работать конюхом с завязанными глазами и стоя на голове.

— Весь ваш план никуда не годится, — со вздохом произнес я. — С этой работой не справлюсь ни я, ни Артур Симмонс, вообще никто. Она просто невыполнима. Сколько в Англии скаковых конюшен? Сотни! Вы можете жить в них месяцы и ни о чем не слышать, хоть махинации вокруг вас будут идти полным ходом.

— Не думаю. — Он покачал головой. — Бесчестных

конюхов у нас на диво мало, гораздо меньше, чем кажется вам, да и многим другим. И если пройдет слух, что какой-то конюх падок на даровые деньги, к нему потянутся мошенники всех сортов, как к неохраямой золотой жиле. Нашему человеку потребуется сделать одно: намекнуть, что с ним можно иметь дело. Его завалят предложениями, можно не сомневаться.

— Но теми ли, которые вам нужны? Не уверен.

— Во всяком случае, мне кажется, этим путем можно докопаться до истины. Честно говоря, положение таково, что мы готовы ухватиться за любую возможность. Мы уже все испробовали. Безрезультатно. Хотя всех, кто имел какое-либо отношение к «порченным» лошадям, подвергали тщательным допросам. Полиция заявила, что помочь ничем не может. Раз мы не знаем, какой именно допинг применяется, мы не можем дать полиции никаких сведений. Мы наняли фирму частных агентов, но и они ничего не добились. Прямые действия не дали результатов, косвенные — того хуже. Я готов поспорить на двадцать тысяч фунтов, что вам удастся добиться большего. Итак, согласны?

— Не знаю, — ответил я и тут же мысленно обругал себя за слабость. Я должен был ответить: «Нет, разумеется, нет».

Он заметил мою оплошность, подался всем корпусом вперед и заговорил быстро, вкладывая в каждое слово страстную убежденность.

— Я хочу, чтобы вы поняли, как сильно я и мои коллеги обеспокоены этими нераскрытыми случаями применения допинга. Я сам владелец нескольких скаковых лошадей — их в основном готовят для стипль-чеза, — в моем роду из поколения в поколение очень любили скачки и делали для их развития все возможное... Трудно даже выразить словами, какую роль в жизни таких, как я, играет конный спорт... И вот

уже второй раз за три года его процветание находится под серьезной угрозой. Во время первой большой волны допинга печать и телевидение не поскупились на злые шутки, и мы не можем позволить, чтобы это повторилось. Пока нам удается усыплять бдительность репортеров, потому что случаи эти происходят не так уж часто — первый произошел больше года назад, — и если у кого-то возникают вопросы, мы просто отвечаем, что результаты анализов отрицательные. Но мы обязаны раскрыть эту новую форму допинга сейчас, пока она не получила широкого применения. Иначе над скачками нависнет смертельная угроза. Представьте себе — число лошадей, победивших под воздействием допинга, все растет, зрители теряют веру, разочаровываются... Стиплъ-чез получит такой удар, от которого не скоро удастся оправиться, если вообще удастся. Речь не только о приятном времяпровождении. Скачки — это ведь целая индустрия, в ней заняты тысячи людей... Далеко не последнюю роль играют и владельцы конных заводов, такие, как вы. И если почитатели конного спорта откажутся финансировать скачки, это может привести к катастрофе.

— Но неужели в самой Англии нельзя найти человека, который смог бы собрать нужные вам сведения? — возразил я. — Человека, который знает мир ваших скачек вдоль и поперек. Я-то о них не знаю абсолютно ничего! Я распрощался с Англией, когда мне было девять лет. Какой от меня толк? Нет, это исключено.

«Вот так лучше», — похвалил я себя. Главное — держаться потверже.

Он посмотрел в свой стакан и заговорил, словно с неохотой:

— Видите ли... мы пробовали найти такого человека в Англии... Спортивный журналист, специалист по скачкам. Очень хорошее чутье. К тому же мы чувствовали, что на него можно положиться. Одним

словом, он занялся поисками. Увы, он потратил на них несколько недель, и все впустую. А потом бедняга погиб в автомобильной катастрофе.

— Но можно попробовать еще кого-нибудь... — не уступал я.

— Он погиб в июне, в соревнованиях по стипль-чезу как раз был летний перерыв. Новый сезон начался в августе, и только тогда нам в голову пришла мысль о конюхе со всеми связанными с ней трудностями.

— Попробуйте сына какого-нибудь фермера, — предложил я. — Говорит с акцентом, отлично знает лошадей... такой вам подошел бы.

Он покачал головой:

— Англия — слишком маленькая страна. Сыну фермера достаточно будет несколько раз вывести лошадь перед началом скачек, и его разоблачат. Слишком многие его узнают и начнут задавать вопросы.

Наступила тишина, и он поднял голову от стакана. Лицо его было строгим, почти суровым.

— Итак? — сказал он.

Я собирался твердо сказать «нет». Вместо этого я снова произнес:

— Не знаю.

— Какие нужны слова, чтобы вас убедить?

— Никаких. Я подумаю. Ответ дам завтра.

— Что ж, прекрасно. — Он поднялся, отказался от моего предложения пообедать и вышел. Этот человек излучал силу, как печь — тепло. Когда машина уехала и я вернулся в дом, он показался мне пустым.

В черном небе сияла полная луна. Далеко позади меня, озаренная лунным светом, виднелась белоснежная плоская вершина горы Косцюшко. Я сидел на высокой скале и смотрел на свой дом.

Передо мной лежала лагуна, большие пастбищные выгулы, доходившие до перелеска, чистенькие,

огороженные белой изгородью загоны возле дома, серебристая крыша жеребьих стойл, добротное здание конюшни, общежитие для конюхов и дом — длинный, низкий, с изящными линиями, в большом крайнем окне его отражался лучик луны.

Передо мной лежала моя тюрьма.

Поначалу жизнь здесь меня не угнетала. Позаботиться о нас было некому, и мне даже доставляло удовольствие утереть нос людям, которые утверждали, что я не смогу прокормить себя и трех маленьких детей, Белинду, Хелен и Филипа. Лошадей я любил всегда, и с самого начала дела у меня пошли хорошо. Во всяком случае, с голоду мы не умирали, и я даже убедил себя, что юриспруденция вовсе не мое призвание.

Работать приходилось много, но я не роптал. Я очень любил своих сестричек и брата и ничуть не жалел о содеянном. Но радость от того, что я содержу целое семейство, постепенно угасала, и меня стала все чаще посещать назойливая мысль: я сам себе выстроил комфортабельную ловушку.

Пройдет восемь-десять лет, они вырастут, получат образование, найдут себе пару в жизни, и мой долг будет выполнен. Через десять лет мне будет тридцать семь. Наверное, и я к тому времени женюсь, обзаведусь детьми и пошлю их учиться во Френшэм и Джилонг... Вот уже четыре года я подавлял в себе желание вырваться, убежать. Когда все они съезжались на каникулы, было легче — дом оживал от их голосов, от стука плотницкого молотка (увлечение Филипа), от пестрых девчоночьих платиц, развешанных на веревке в ванной. Летом мы катались на лодке или плавали в лагуне, зимой катались на лыжах по горам. Но через неделю после их возвращения в школу меня начинало тянуть на волю, тянуть болезненно, неодолимо. На вольную волю, надолго и далеко: дальше центров, где проходят торги и аукционы лошадей, дальше Сиднея,

Мельбурна и Кумы, куда я изредка ездил по делам. Хотелось, чтобы жизнь оставила в памяти что-то еще, кроме одинаковых, приносящих прибыль дней, кроме окружавшей меня красоты.

Я говорил себе, что думать об этом бесполезно, жаловаться на судьбу грех, потому что несчастья мои выдуманы, — ничего не помогало. Каждый вечер меня охватывала глубокая, до головной боли хандра, днем же от нее было одно спасение — я работал без передышки, поэтому, кстати, не страдали дела.

Лорд Октобер обрушился на меня, когда после отъезда детей прошло одиннадцать дней и спал я плохо. Наверное, поэтому я и сидел в четыре утра на склоне горы и ломал голову над тем, принять ли это удивительное предложение и отправиться на другой конец света работать конюхом. Да, передо мной приоткрыли дверцу клетки, это верно. И все же... уж слишком большой, подозрительно большой казалась наживка.

Двадцать тысяч английских фунтов... Огромные деньги. Впрочем, он ведь не знает, что мне не сидится на месте, и мог подумать, что меньшая сумма не произведет впечатления. Интересно, сколько он собирался предложить Артуру?

С другой стороны, был некий спортивный журналист, который погиб в автомобильной катастрофе... Если Октобер и его коллеги хоть на секунду сомневаются в том, что это был просто несчастный случай, тогда можно предположить, что они назначают такое высокое вознаграждение для успокоения собственной совести. Благодаря профессии отца я в молодости многое узнал о преступлениях и преступниках, и мысль о подстроенной аварии не казалась мне бредом сумасшедшего.

Англия, думал я. Двадцать тысяч фунтов. Поиск. Честно говоря, мне не передалась, как того хотел Октобер, значимость предстоящего дела. Между мной и

английскими скачками лежал целый мир. И если я возьмусь за эту работу, то отнюдь не из альтруизма. Я поеду в Англию, потому что сердце мое соскучилось по приключениям, потому что я смогу там встряхнуться и показать, на что способен, потому что меня словно поманила сирена, велев послать к черту все дела и освободить чахнувшую душу от пут, в которые я сам ее заковал.

Здравый смысл говорил, что мне предлагают безнадежное, бессмысленное дело, что граф Октобер — лишенный чувства ответственности безумец, что я не имею права оставлять детей без присмотра и пускаться в кругосветную авантюру и что единственный путь для меня — остаться на своем месте и научиться не хандрить.

Здравый смысл проиграл.

ГЛАВА 2

«Боинг-707» доставил меня в Англию девять дней спустя.

Последняя неделя прошла суматошно и хлопотно. Я втиснул в нее месячные порции писанины и уйму всяких практических приготовлений. Одна из трудностей была в том, что я не знал, на сколько уезжаю, но решил: если ничего не добьюсь за полгода, на поисках можно будет ставить крест, и, исходя из этого, стал строить свои планы.

В банке я договорился, что заплачу вперед за школу и фураж для лошадей, выписал несколько чеков на имя старшего конюха (он оставался за меня), которые он имел право погашать по одному на зарплату и питание для всех работников. Что касается моего «гонорара», Октобер заверил, что он будет переведен на мой текущий счет без промедления.

— Если я ничего не добьюсь, вы получите свои деньги обратно — за вычетом того, что я заработал бы, сидя на месте, — сказал я ему.

Он отказывался, но я настаивал на своем. В конце концов, мы пошли на компромисс: десять тысяч я получу сразу же, а другую половину — после выполнения миссии.

Я отвел Октобера к моим стряпчим, которые облекли наше необычное соглашение в форму сухого юридического документа, и Октобер, насмешливо улыбаясь, подписал его вместе со мной.

Его веселость, однако, как рукой сняло, когда я попросил его застраховать мою жизнь.

— Боюсь, я не могу этого сделать, — сказал он, нахмурившись.

— Потому что застраховать меня... невозможно? — спросил я.

Он промолчал.

— Что же в действительности случилось с журналистом?

Стараясь не смотреть мне в глаза, он покачал головой:

— Не знаю. Внешне это был несчастный случай. Я почти уверен, что это был несчастный случай. Он ночью проскочил поворот в районе йоркширских вересковых холмов. Машина вылетела с дороги, свалилась в долину и загорелась. Спасти его мог разве что чудом. Прекрасный был парень...

— Даже если вы подозреваете, что он погиб не из-за несчастного случая, меня это не остановит, — сказал я серьезно, — но вы должны быть со мной откровенны. Если это не был несчастный случай, значит он что-то выяснил... может быть, наткнулся на что-то важное... Я хочу знать, где он был и что делал в последние дни перед смертью.

— Вы думали об этом прежде, чем принять мое предложение?

— Да, разумеется.

Он улыбнулся, словно с плеч его упал тяжелый груз:

— Чем больше я узнаю вас, мистер Рок, тем больше благодарю Бога за то, что он велел мне пообедать в Перлуме, а потом направил на поиски Артура Симмонса. Что ж... Томми Стэплтон — журналист — водил машину хорошо, но в аварию, я полагаю, может попасть каждый. Было начало июня, воскресенье... фактически понедельник, потому что умер он около двух часов ночи. Кто-то из местных жителей показал, что в половине второго дорога выглядела нормально, а в два тридцать возвращавшиеся из гостей супруги заметили на повороте сбитые столбики и остановились посмотреть, в чем дело. Машина еще тлела — на дне долины они видели красное сияние. Они поехали дальше и в ближайшем городке сообщили о случившемся.

В полиции пришли к выводу, что Стэплтон заснул за рулем. Такое бывает часто. Но они не смогли выяснить, где он находился после пяти вечера, когда уехал от друзей. Дорога до йоркширских холмов не заняла бы у него больше часа, таким образом, неизвестно, где он провел девять последних часов. О происшествии написали почти все газеты, но никто так и не сообщил, что в тот вечер виделся со Стэплтоном. В полиции, насколько я понимаю, решили, что он был с чужой женой... с кем-то, не жаждущим рекламы. Одним словом, аварию записали в разряд несчастных случаев по вине водителя.

Вы спросили, где он был за несколько дней до смерти. Мы навели справки, не привлекая ничьего внимания. Ничего подозрительного не обнаружили. Он был где обычно, занимался чем обычно.

Мы, то есть два других стюарда и я, попросили йоркширскую полицию показать нам все, что они извлекли из сгоревшей машины, но ничего интересующего нас там не оказалось. Он был холост, жил с матерью и сестрой, с их позволения мы обыскали дом в надежде найти какой-то материал, предназначенный для нас. Увы, мы ничего не нашли. Мы также связались со спортивным редактором газеты, где он работал, и попросили посмотреть, не осталось ли что-нибудь в его столе. Там оказались кое-какие личные мелочи и конверт с газетными вырезками о случаях допинга. Конверт мы взяли себе. В Англии вы его увидите. Впрочем, боюсь, эти вырезки едва ли вам помогут. Сведения там очень обрывочные.

— Вам хочется верить, что это был несчастный случай, — заметил я. — Вам очень хочется в это верить.

Он сдержанно кивнул:

— Всякое другое предположение наводит на слишком тревожные мысли. Если бы не эти девять часов, сомнений вообще не было бы.

На улице мы попрощались, и он дал мне свой лондонский адрес. Он уже наполовину забрался в машину, но вспомнил что-то и сказал:

— Наверное, для облегчения вашей... задачи вы должны выглядеть как человек, которого... можно купить, тогда мошенники клюнут на вас.

— Разумеется, — усмехнулся я.

— Тогда, если не возражаете, я предложил бы вам отрастить бачки. Удивительное дело: сантиметр-другой волос под ухом, а к человеку уже по-другому относишься!

— Отличная идея, — засмеялся я.

За два дня до отлета я отправился в Джилонг, чтобы попрощаться с Филипом и объяснить его учителю, что я на некоторое время улетаю в Европу по делам. Возвращался я через Френшэм, где обитали мои сестрички, и обе изумленно воскликнули при виде отрастающих бачков, которые сразу делали меня похожим на человека с сомнительной репутацией.

Хелен было уже шестнадцать лет, она превращалась в нежную, красивую девушку, изящную, как цветы, которые она любила рисовать. Из всех троих она была наименее самостоятельной и особенно тяжело страдала из-за того, что у нее нет матери.

— Неужели, — взволнованно воскликнула она, — тебя не будет все лето? — Вид у нее был такой, словно гора Косцюшко вдруг превратилась в пыль.

— Ничего, ты со всем справишься и без меня. Ты ведь уже почти взрослая, — поддразнил я ее.

— Без тебя и каникулы будут не каникулы.

— Пригласи к нам пожить кого-нибудь из подруг.

— Правда? — Она просияла. — А можно? Как будет здорово!

И став чуть счастливее, она поцеловала меня и убежала на урок.

Что до Белинды, то мы всегда прекрасно понимали

друг друга, и только ей одной (я должен был это сделать) я рассказал о настоящей причине моего внезапного «отпуска». Эта новость ее очень огорчила, чего я никак не ожидал.

— Дорогой Дэн, — сказала она, держа меня за руку и трогательно сопя, чтобы не заплакать, — я знаю, ты работаешь изо всех сил, чтобы дать нам образование, и, если один раз ты решил сделать что-то для себя самого, мы должны быть только рады. Но, умоляю тебя, будь осторожен. Мы будем очень ждать тебя.

— Я вернусь, — неловко пообещал я, протягивая ей носовой платок. — Я вернусь.

В лондонском аэропорту я взял такси и вскоре, миновав засаженную деревьями площадь, оказался возле дома графа Октобера. Моросил серый дождь, но на моем настроении погода не отражалась. На душе было легко, ноги сами несли меня вперед.

В ответ на звонок строгая черная дверь открылась, приветливый слуга сразу взял мой саквояж и сказал, что сейчас же проведет меня наверх, потому что его светлость ждет меня. «Верх» оказался гостиной на втором этаже с пурпурными стенами, где вокруг электрического обогревателя в виде камина стояли трое мужчин со стаканами в руках. Все трое излучали уверенность и силу, свойственные Октоберу. Это был правящий триумвират национального жокей-клуба. Крупные птицы. Привычка властвовать и повелевать стала для них семейной традицией и вырабатывалась сотни лет. Внутри у меня все так и бурлило от радости, они же сохраняли полное спокойствие.

— Мистер Рок, ваша светлость, — объявил слуга.

Октобер пересек комнату и подошел ко мне.

— Хорошо долетели?

— Спасибо, прекрасно.

Он повернулся к двум мужчинам.